

Леонид Каганов

МОЯ КОСМОНАВТИКА

И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-45
К 12

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

Каганов Л.

К 12 Моя космонавтика и другие истории : повести, рассказы / Леонид Каганов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 928 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31857-1

Леонид Каганов в отечественной фантастике, пожалуй, наиболее переоцененный автор. Два десятка литературных премий, десяток изданий и переводы на иностранные языки на самом деле ни о чем не говорят. А высокая популярность в интернете не оправдывает редкие и скромные бумажные тиражи. Проблема Каганова в том, что он берется расшатывать устоявшиеся законы жанра, мироздания, психологии, физики и морали с неожиданных точек зрения. А это не всегда расслабляющее чтение, несмотря на большие дозы настоящего юмора. Да и герои его произведений не слишком приятные люди и не особенно успешные в жизни роботы, чтобы захотелось им подражать, а не просто увлеченно следить за яркими историями. Но, несмотря на это, Каганова по праву называют мастером короткого рассказа. Поэтому, если выбирать из двух книг — сборник рассказов, который ты держишь в руках, или новый роман «Путь на Шелл», который выйдет только в 2028 году, — конечно, лучше выбрать эту. По крайней мере, она уже перед тобой, и на складе еще осталось несколько экземпляров.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-45

ISBN 978-5-389-31857-1

© Л. А. Каганов, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ДИАЛОГИ РЕПТИЛЬНОГО МОЗГА

Спасибо Н. Ярошенко

— Не знаю, как начать.

— Ты читай с начала.

— Так я и читаю! Не знаю, как начать. Проклятье, никогда не знаю, как начать роман. Все вздор! Начну как Достоевский: в начале июля, в небывало жаркое время, под вечер, шел герой, только у меня весна. Отличная первая фраза, теперь пойдет легче. Теперь мои герои. Ох, я им всыплю! Ненавижу литераторов. Поэты — конченные бездарности. Редакторы — форменные мерзавцы. А уж критики — ох какую я вам задам трепку, критики!

— Да что ты такое читаешь? — удивился я. — Достоевского?

Она перевернула обложку и уставилась на золотые тисненные буквы.

— Не. Булгаков. «Мастер и Маргарита».

— Не важно, читай.

Она принялась читать дальше. А я стал вспоминать события трех последних безумных дней.

ГЛАВА 1

Дома у Генки

Я думал, так далеко от Москвы окажется старая дача. Но у Генки был трехэтажный особняк — за высоким бетонным забором, с большим гаражом в пристройке, с бассейном на участке и камином на первом этаже. В креслах у камина мы и расположились. У Генки было как в музее: ковры, рога, медвежья шкура и золото по мрамору. Не виделись мы черт знает сколько лет, Генка выглядел хмурым и постаревшим — у него появилась отчетливая лысина и брюхо. Хотя у кого оно не появилось.

— Я на машине, мне нельзя, — напомнил я, когда он открыл створку бара и выбрал бутылку вина.

— Отставить разговорчики, Леша. Переночуешь у меня, утром поедешь. Поедешь за моей машиной, проведу через все пробки с мигалкой, мне к девяти на Балаклавку.

— Каршеринг же. Ночь держать дорого, а аренду в этом месте не завершить.

— Каршеринг? — переспросил Генка. — Дорого?

Он налил мне сока, а себе открыл вино. Вскоре сверху спустилась женщина в эффектном платье — белом с золотыми линиями. Слово в камуфляже под интерьер этого зала. Похоже, специально переодевалась для гостей.

— Лизавета, — представил Генка, приобняв ее за талию. — А это Лешка Парамонов, одноклассник мой.

— Вы даже похожи! — удивилась Лизавета. — Если постричь.

— Нас и учителя путали, — усмехнулся Генка. — Парамонов за меня информатику сдавал.

— ЕГЭ? — удивилась Лизавета.

— ЕГЭ, зайка, тогда еще не придумали.

— Лыстишь, — хмыкнула Лизавета, выпила с нами бокал, нежно чмокнула Генку в лысину и отправилась наверх, пожелав нам спокойной ночи.

— Как твоя работа? — спросил я.

— У тебя работа. У меня служба, — отмахнулся Генка.

— Ты же следователь?

— Да никогда не был, сколько повторять! Другая структура.

— Ты, наверно, уже полковник какой-нибудь?

— Обещали. Да что-то я боюсь...

— Полковника?

— Проблем. Проблемы я чувствую. Профессия у меня такая.

— Расскажи!

— Не положено.

Он ушел в свои мысли. Я молчал.

— Ладно, чо приехал-то? — очнулся Генка.

— Повидать друга.

— В нашем возрасте повидать друзей не приезжают. Либо по делам — либо на похороны.

— По делам, — сознался я.

— Внимательно слушаю.

И я стал рассказывать — про себя, про Дашу, про ее Настюшу, про клинику в Дрездене, про кредитный отдел банка... Генка не перебивал. Он глядел в камин, время от времени бросал на меня цепкий взгляд, но думал все равно о чем-то своем.

— Денег просить приехал? — перебил он наконец.

— Да, — выдохнул я. — Представляешь, мне не одобрили кредит ни в одном банке! А одолжить не у кого. И я подумал, вдруг ты...

— Сколько?

— Двадцать тысяч долларов. Стоимость лечения. Обычно сто, но из-за срочности мне делают огромную скидку! Ну и билеты в Германию.

— Как отдавать будешь?

— Генка, я все продумал! Каждый месяц с основной зарплаты я буду отчислять...

— Сколько лет будешь?

— Я думаю... Я уверен, за три года все верну!

Генка долил в бокал остатки вина, поставил бутылку под стол и принялся так недоверчиво смотреть сквозь бокал на огни камина, словно камин был ненастоящий.

— Ну показывай документы, что там у тебя... — проворчал он.

— Напишу все расписки! — уверил я. — Заверим у нотариуса!

— Я про договор с клиникой. Покажи мне его.

— Она же немецкая, — растерялся я. — Какой договор?

Я с врачом общался.

— Ты наконец выучил какой-то язык?

— Это наш, русский врач. Он посредник, дает направление.

— Жулик, что ли?

— Сам ты жулик! — обиделся я и встал, уже понимая, что зря сюда приехал.

— Сядь! — тихо приказал Генка.

Я сел.

— Давай называть вещи своими именами.

— Давай.

— Тебя окрутила баба с прицепом, а прицеп бракованный.

— Да мы встречаемся уже три года! Мы любим друг друга!

— Сядь, я сказал! Баба красивая, толковая?

— Очень!

— Но нет дураков, кроме тебя, замуж ее взять.

— Да нахрен ей замуж! — возмутился я. — Мы же не в прошлом веке живем, замуж! Да если она просто напишет в соцсетях, что ищет компанию попить кофе, пол-Москвы ломанется с ней встречаться! Но она любит меня! А я — ее! Понимаешь?

— Да кто с ней будет встречаться, у нее же дочка с синдромом Дауна.

— Клеймера! Синдром Клеймера, форма аутизма! С рождения. Какого Дауна? Она книги читает! Справочники! В девять лет!

— Так ты же сказал, она в школу не ходит и разговаривать не умеет?

Зря я это ему сказал.

— В первый класс пошла с этого года. В обычную школу. Дважды в неделю пока ходит, осваивается. Разговаривать умеет. Но так...

— Как?

— Ну так... Говоришь ей: сколько времени на часах, сообразить можешь? Молчит, смотрит в пол. Говоришь: ну ладно, ну хоть первая цифра как называется? А она заплачет и убегает. Но цифры знает.

— Муж-то их бросил, — подытожил Генка, — мать с ней с трудом справляется. И ты живешь отдельно, потому что жить с ними не можешь.

— Не могу, — сознался я. — Нереально жить, когда рядом такое каждый день... Сейчас Даша впервые уехала на три недели. И я поклялся пожить это время с Настюшей, кормить, в школу водить... Но реально не могу! Прямо бесит! Она же меня не слышит, ничего не понимает! А начинаешь ей объяснять — плачет, убегает или хамит. Я после работы заезжаю туда на час, еды привезу в коробочках — и уезжаю к себе, в берлогу, на другой край города. Просто физически не могу в одном помещении с ней находиться. И она меня тоже терпеть не может, я же вижу. Но что мне делать? У меня же ни подготовки, ничего! Я ж не врач, не педагог, не сиделка! У меня своя работа, своя нагрузка, я не вывожу еще и это! У меня психических ресурсов не хватает! Я не железный!

— Что ты передо мной оправдываешься.

— Я не перед тобой. Я перед собой.

— Ну скажи себе: я не санитар в дурдоме. Найми санитаря, как нормальные люди.

— Санитаря... А Даше я что скажу? Что наши жизни не интегрируются? Вот тебе санитар, живи вместо меня с санитаром? Вот как мне быть? Я с Настюшей не могу, и без Даше не могу, хоть вешайся! Знаешь, сколько я в интернете прочел про этот Клеймер, сколько медицинских сайтов обнюхал! Никто не знает, как лечить! И вдруг я нашел врача, который знает! Он сказал, точно лечат в Германии! Но операция будет стоить...

— Не дам я тебе денег. Ты дурак, Леша. И проблемы твои дурацкие. Деньги тебе не помогут. Таким, как ты, нельзя давать деньги.

Я пошел к двери, а Генка все смотрел в свой камин. Похоже, камин был и правда ненастоящий.

— Стоп! — сказал Генка, когда я уже надел ботинки.

Он вдруг открыл шкаф и достал темно-синий пиджак, ностальгически смахивавший на нашу школьную форму, только пуговицы здесь были золотые.

— А ну-ка примерь!

— Ты издеваешься?

— Примерь, я сказал.

Я влез в пиджак — он оказался ровно моего размера. Генка удовлетворенно кивнул и бросил мне в руки штаны, рубашку и галстук. А сам ушел наверх и минут через пять вынес коробку ботинок. Он вручил ее мне, я вытряхнул ее на пол, но вместо ботинок высыпалась кучка долларов.

— Двадцать, я ровно отсчитал, не пересчитывай, — сказал Генка. — Ты, Леша, в нужное время попал.

Я с изумлением смотрел на него.

— Сейчас мы тебя пострижем, — сказал он, — и завтра поедешь в институт на Балаклавке. Я там еще никогда не был. Скажешь, в отдел Сергея Лавровича Щукина. Тебе сделают процедуру, исследование. Только не снимай с лица медицинскую маску. Все. А дальше к ним буду ездить я сам. На проходной покажешь это.

Генка протянул мне гербовую бумагу, похожую на школьную грамоту. В центре был крупно распечатан кьюар-код. Прямо на нем стояла печать с гербом и размашистая подпись. Сверху зна-

чилось «Самохин Геннадий Иванович», а в заголовке золотыми буквами было напечатано загадочное «ГУПФСБ УСБ ТСП/ИП УДП».

— Что такое УСБ? — спросил я.

Генка посмотрел на меня с сожалением.

— Управление собственной безопасности.

— А что такое УДП?

— Управление делами президента. Никогда не задавай таких вопросов. Понял?

— Да.

— Не да, а так точно. Так точно — или никак нет. Веди себя гордо, спину выпрями. Говори мало, слушай много. Всех называй вежливо по имени-отчеству. Но таким тоном, будто мысленно добавляешь «сука ты такая». У нас так принято. Понял?

— Так точно.

— Вопросы есть?

— А чего ты сам не едешь? — Я сел на корточки и принялся собирать доллары в коробку.

— Я боюсь. А ты не бойся. Мое ведомство не посылает своих майоров туда, где опасно. Но мне нахер не нужны эксперименты на мозге. А у тебя, Леша, мозга нет, тебе нужны деньги. Если все сделаешь правильно, деньги можешь не возвращать. Хотя... Или ладно, я еще подумаю. Все понятно?

— Так точно, Геннадий Иванович, сука ты такая...

— Во! — обрадовался Генка и хлопнул меня по плечу. — И спину держи прямо — ты больше не информатик, ты майор! Коробку отдай мне пока. Заедешь за ней послезавтра, пусть мотивирует.

ГЛАВА 2

На улице Балаклавке

В метро по дороге на Балаклавку я гуглил Сергея Лавровича Щукина, но нашел только одну лекцию на ютубе, загруженную пятнадцать лет назад. Молодой преподаватель с курчавыми волосами читал в обшарпанной аудитории курс студентам, сидевшим где-то за кадром.

«Маклиновская концепция, — говорил он буднично, — выделяет рептильный мозг, лимбический и неокортекс. Это три эта-

жа, которые природа миллионы лет достраивала один над другим. Чтоб вы понимали, конструктор изобрел велосипед. Потом добавил мотор — и получился мотоцикл. Потом добавил еще колес, крышу над головой, магнитола — получился автомобиль. Но колеса и мотор никуда не делись. Древний мозг хорошо работал у рептилий: в нем все инстинкты, необходимые для выживания. У человека он тоже продолжает работать, но передает сигналы на верхний этаж. В рамках нашего курса нас интересуют даже не рефлекс, а речь. Принцип здесь тот же: речь человека возникла не в один день. У рептильного мозга тоже был свой язык: лягушки квакают... Что вы сказали? — Лектор уставился куда-то поверх камеры. — Да, не рептилии, земноводные, но рептильный мозг такой же. Лягушки квакают. Что это значит — ква? Это может быть крик боли, предупреждение об опасности, приглашение к спариванию — но это уже язык, обмен информацией. Дальше эволюция языка надстраивалась на этом движке. Когда собака издает звуки, она выражает боль, радость, преданность, угрозу — у нее уже не рептильный, а более сложный лимбический язык. И когда наши пещерные предки учились говорить, их первые слова выражали самые простые мысли и чувства. Прimitивные, но честные. Собака не умеет хитрить в языке. Она может хитрить в поведении — притворяться атакующей. Но даже в игре собака не сможет изобразить звук реальной атаки или боли. Все метафоры и маскировки смыслов — это наша надстройка неокортекса. Пещерные люди не могли сказать: „Я вас услышал“ — в нашем современном смысле. Рептильный мозг сообщает: „Мне неприятно“. Лимбический добавляет: „Неприятно, отвали от меня“. А неокортекс расширяет смысл: „Мне неприятно, отвали, я тебя слушал некоторое время, и это максимум, чего ты заслуживаешь“. Но вместо этого мозг произносит: „Я тебя услышал“. А мы безошибочно считываем „отвали“, понимая, что это и есть цель высказывания. Но даже самый совершенный компьютер в мире — мозг собеседника — не всегда способен услышать цель высказывания. Тем более что неокортекс часто считает ее неприемлемой и прячет даже от самого себя. Чтоб вы понимали, — лектор сделал многозначительную паузу, — если бы мне удалось отключить речевые зоны от неокортекса и подключить их напрямую к глубинному мозгу, я бы оказался в мире первобытных людей и слышал не то, что мне сказал ваш неокортекс, а то, что хотел сказать

лимбический мозг, а если повезет — то даже рептильный. Я бы слышал напрямую цель высказывания: те эмоции, тот запускающий импульс, который заставил ваше тело открыть рот и напрячь гортань, чтобы издать какие-то звуки, не нужные ни для чего другого...»

Институт на Балаклавке оказался не учебным, как я почему-то решил. Пятиэтажное бетонное здание с редкими окнами напоминало телефонную станцию советских времен, окруженную высоченным забором с многослойной колючей проволокой. В будке у ворот меня остановил дежурный, спросил, по какому я делу, и пропустил к крыльцу. За дверьми на рамке детектора охрана полистала паспорт и пустила к отделу пропусков, где за стеклом сидел военный с таким же цепким взглядом, как у Генки. Он долго листал Генкин паспорт взад-вперед, словно надеялся увидеть важную зацепку на пустых страницах. Потом долго рассматривал бумагу с кьюар-кодом, переводя взгляд с него на мое лицо, будто сверяя. Маску снять он, впрочем, не попросил. Я чувствовал, как по голове и шее ползут вниз ледяные струйки пота, хотя, наверно, это просто сквозняк гулял по непривычно выбритому затылку.

— Проходите, Геннадий Иванович, — сказал наконец военный, протягивая мои документы, а также зеленую пластиковую карту. — Пропуск на выходе вернете мне.

На турникетах проверили документы в последний раз и велели ждать. Кьюар-код так никто и не читал.

Вскоре за мной поднялся сам Щукин — я сразу узнал его по кучерявой шевелюре, хотя она теперь была пострижена, сам он сильно раздался в теле, а лицо растолстело и обвисло.

— Следуйте за мной, Геннадий Иванович, — сказал он и повел меня на подвальный этаж. — Вы завтракали?

— Никак нет. Чай пил.

— Ну я же говорил вашим: не завтракать.

Мы пришли в странную комнату — она напоминала балетный репетиционный зал у Даши в театре, только вместо зеркала во всю стену тянулось зеркальное стекло. За стеклом была другая комната. В ней на железном стуле сидел свирепого вида восточный человек — его лицо до середины заросло черной бородой, он был голый по пояс, в лиловых царапинах, а его руки и ноги были пристегнуты наручниками к стулу. За его спиной стояли двое

плечистых парней в камуфляже, а третий сидел перед ним в кресле. В нашу сторону они не смотрели. Звук шел не через стекло, а из плоского динамика рядом.

— Кто тебе передал капсули? — сухо спрашивали бородача.

— Мне страшно, — отвечал бородач густым голосом почти без акцента. — Я не сломаюсь.

— Где ты взял капсули?

— Вы проклятые шакалы. Мои братья отомстят.

Один из стоявших с силой воткнул бородачу под мышку черную рукоятку. Раздался электрический треск, бородач скрючился от боли и застонал.

— Кто дал тебе капсули? — спокойно повторил сидящий перед ним.

— Мне больно, — произнес бородач с багровым лицом, пытаюсь вдохнуть. — Я боюсь... — Он снова попытался сделать вдох, покрутил головой и посмотрел, казалось, прямо на меня. — Я боюсь, что Аллаха не существует.

Я так и стоял с открытым ртом. Шукин задернул плотную занавеску на стекле и выключил динамик.

— Вот как вам это, Геннадий Иванович? — спросил он с вызовом. — Я вам специально решил показать.

Я молчал.

— Можете разговаривать, оттуда нас не видно и не слышно. Там идет своя работа, у нас своя.

Я молчал.

— Чтоб вы понимали, — сказал Шукин с заметным раздражением. — Это совсем не детектор лжи, как думают у вас в управлении. Теперь вы убедились?

Я кивнул.

— Из вас не будет суперследователя, Геннадий Иванович. Вы будете слышать только такое. — Он указал глазами на занавеску, за которой снова двигались тени.

Я молчал.

— Вы понимаете, что ваше управление хочет отчитаться об экспериментах и выбрало кого не жалко: вдруг будет толк? Но я вам говорю: это не то, что вам обещали. Вы не станете телепатом и не научитесь читать мысли подозреваемых. Мне надо, чтоб вы хорошо это понимали прежде, чем мы начнем. Вы понимаете?

— Так точно, — вспомнил я наконец нужные слова.

— Ну садитесь, надевайте. — Шукин махнул рукой, и теперь я заметил в углу кресло, похожее на стоматологическое, а на нем лежал шлем, смахивавший на мотоциклетный. — Ну что стоите? Надевайте. Процедура займет час.

— А что за процедура? — спросил я.

— Вы что, не подписали секретный допуск и не читали материал? — удивился Шукин. — Мы будем перешивать вашу нейросеть. Введем в артерию раствор магнитоконденсата, он безвредный, и направленными импульсами сконденсируем в нужных местах электрошунты. Чтобы вы понимали — компьютер прошьет в вашем мозгу полмиллиона связей новой нейросетки.

— Можно маску с лица не снимать?

— Можно.

Все прошло на удивление легко: я чувствовал только легкое покалывание.

— Ну вот и все, — сказал Шукин, снимая с меня шлем и разглядывая пестрые графики на своем дисплее. — Девяносто семь процентов прошивки, очень хороший результат. Голова не кружится?

— Никак нет, — ответил я. — Немного.

— Пройдет, — уверил Шукин. — В смысле, голова. Нейросеть не пройдет никогда, скоро она включится в работу, привыкайте. Жду вас с завтрашнего дня на тесты.

Вскоре я уже сдавал пластиковую карту в бюро пропусков на первом этаже.

— Можете идти, Геннадий Иванович, — процедил военный.

И в этот раз мне явно почудилось, что он добавил одними губами: «Сука ты такая».

Я написал сообщение Генке «все норм» и поехал на работу.

ГЛАВА 3 На работе

В офисе моего опоздания никто не заметил, заметили только новую стрижку, но я лишь загадочно улыбался на вопросы. Прошел к своему месту, включил компьютер и сел разбирать накопившиеся за утро тикеты, пока не началась дневная летучка. Летучка выглядела буднично.

Во главе стола в переговорке сел начальник нашего отдела — молодой харизматичный Марк Константинович. Он задумчиво листал свой айфон, улыбаясь чему-то.

Как обычно, справа от него разместился Осипов — толстый руководитель отдела безопасности, хотя я никогда не понимал, зачем он на дневных летучках.

Инна Васильевна из финансового распахнула папку и бережно, словно пасьянс, раскладывала перед собой листы с таблицами, украшенные в разных местах цветными закладками-липучками. Затем достала пудреницу и принялась оглядывать себя в зеркальце, словно попугайчик, поворачиваясь то одним глазом, то другим.

Розовощекий Хомяков бодро стирал с магнитной доски прямоугольнички чьей-то прошлой летучки. Хомяков работал уже месяц на испытательном сроке, а на летучки напросился ходить, чтобы войти в курс дела.

Сумская Аннушка сидела с раскрытым ноутбуком, задрав ногу на ногу, и весело всех оглядывала, но при этом еще что-то набирала в ноутбуке.

Мартемьянов пришел позже всех и сел подальше от Марка Константиновича, сегодня он был как-то особенно взволнован.

И только я чувствовал себя совершенно безмятежно: все страхи и волнения словно испарились, никаких симптомов после дурацкого сидения в шлеме я не чувствовал, даже шея в месте укола не болела. Получалось, я вышел целым из всех дурацких историй, унес ноги из страшного здания на Балаклавке и завтра получу деньги на операцию для Настюши, черт бы ее побрал.

Дневная летучка обычно шла полчаса, и всегда по одному сценарию. Сейчас Марк Константинович отложит телефон, встанет и скажет: «Ну что, все в сборе? Начнем...» И дальше: «Инна Васильевна, есть у нас показатели?» А они у нее всегда есть. Она выйдет к доске и будет рисовать график, а Сумская начнет задавать уточняющие вопросы. Затем дадут слово Мартемьянову. Его, скорее всего, опять поругают за задержки сроков, но он будет давать подробные комментарии. Мартемьянова ценят, потому что его группа тянет на себе всю разработку и в итоге, конечно, все сделает. До Мартемьянова у нас работал Васильчуков, еще раньше Азаян, но Марк Константинович их совсем загонял — они выгорели и уволились. А Мартемьянов ничего, держится. По-

том дойдет до Сумской, это медийная группа. И это будет весело: Сумская всегда острит, улыбается, рассказывает байки про клиентов — в общем, оживит нашу скучную летучку. Безопаснику Осипову говорить не о чем, но время от времени Марк Константинович будет к нему обращаться. Стажера Хомякова спрашивать не будут, но он сам поучаствует в дискуссии. Наконец дойдет очередь до меня. Я перечислю, сколько тикетов с вопросами закрыл, добавлю, что по нашим серверам проблем не было, и перечислю, сколько суток они работают без перезагрузки — это почему-то всегда производит впечатление. Потом Марк Константинович выступит с мотивационной речью и закроет летучку, пожелав всем удачного дня.

— Ну что? — Марк Константинович отложил свой айфон и встал, оглядывая присутствующих. — Я офигенный, — неожиданно сказал он, поправляя галстук. — Я лучше вас в сто раз. У меня вообще все зашибись! Как вы мне надоели. — Он улыбнулся и приглашающе указал ладонью на Инну Васильевну.

Та совершенно не смутилась.

— Я, — она со значением оглядела всех поверх очков, собрала свои таблицы в стопку и направилась к доске, — не старая. Я не старая! — убежденно повторила она, поднимая маркер и начиная рисовать график. — Совсем еще не старая.

Она повторяла это на разные лады, а присутствующие задумчиво кивали.

— А как же я? — вдруг воскликнула Сумская. — А как же я?

— Я не старая! — возразила Инна Васильевна, не оборачиваясь, и постучала маркером по верхнему колену графика. — Я не старая, — повторила она и для убедительности обвела вершину кружком.

— Я полезный! — вдруг сказал Хомяков, по-школьному подняв руку. — Я нужный!

— Это не я! — убежденно возразил Мартемьянов. — Все другие виноваты!

Марк Константинович призывно похлопал в ладоши, и наступила тишина.

— Я просто офигенный, — сказал Марк Константинович и повернулся к Осипову.

Тот встал.

— У меня есть член, — чеканя каждое слово, произнес Осипов и сел.

— А как же я? — закричала Сумская. — Посмотрите все на меня!

— Я не старая!

— Я полезный! И не глупый!

— Это не я! Это всё другие! — возразил Мартемьянов.

— У меня, — снова поднялся Осипов, — есть довольно еще большой член. И довольно часто он работает почти беспроблемно.

— Я нужен! — снова поднял руку Хомяков. — Я приношу много пользы!

— А как же я? — надрывалась Сумская. — Обратите внимание на меня!

— Я вообще офигенный! — Марк Константинович развернулся на своем кресле так, что скрипнули колесики. Он кивнул на график и сделал пальцами рук движение, будто ставил в воздухе кавычки.

Я с ужасом заметил, что его губы продолжают шевелиться, хотя голоса я не слышал.

— Сегодня я просто офигенный, — наконец послышался его голос. — Очень крут, — доверительно закончил он.

— Я не старая! — разок повторила Инна Васильевна, хотя губы ее продолжали и продолжали шевелиться, а красный маркер порхал вдоль графика, соединяя точки стрелками и подписывая над ними цифры.

— Это дру-ги-е! — отчетливо возразил Мартемьянов. — Я не виноват.

— Я не глупый! — возразил ему Хомяков.

— Все внимание на меня! — сказала Сумская и предъявила экран ноутбука: там у нее был запущен калькулятор и светилась крупная цифра.

— Я, — с вызовом ответила Инна Васильевна, — еще не такая старая!

Она обвела число у вершины графика и вернулась на место.

— У меня есть член, — доверительно шепнул Осипов. — Я хочу играть в танки.

Марк Константинович понимающе кивнул, и Осипов покинул переговоры.

— Ну не офигенный ли я? — спросил Марк Константинович, и все почему-то сразу посмотрели на Мартемьянова.

— Я вообще ни при чем! — заявил тот. — Это другие виноваты!

И тут он вдруг указал пальцем на меня.

Я молчал, не зная, что делать.

— Я на три головы круче вас всех, — напомнил Марк Константинович, глянув прямо мне в глаза. — Я офигенный?

— Да, — выдавил я.

Наступила гнетущая тишина.

— У меня, — строго поправил Марк Константинович, — очень важная должность. И у меня офигенная тачка. Вы же видите мою тачку. Я настоящий профессионал. А вы все — нет.

Он недоуменно поднял брови и теперь смотрел только на меня, явно ожидая ответа.

— А как же я? — вскинулась Сумская, но Марк Константинович, не поворачиваясь, погрозил ей указательным пальцем, и она умолкла.

Он смотрел на меня и ждал чего-то — назойливый, дотошный, приставучий.

Все ждали.

— Наши сервера... — Я решил зайти с козырей. — Работают без перезагрузок и сбоев уже 6840 часов. Это девять с половиной месяцев.

Инна Васильевна со стуком уронила пудреницу. Хомяков открыл рот, а глаза его засияли неподдельным гибельным восторгом. Мартемьянов закрыл лицо папкой, а Сумская округлила глаза, сжала ладонями виски и с ужасом задвинула пальцы глубоко в белые кудряшки.

Марк Константинович переживал сложные эмоции: сперва его лицо побагровело, а кулаки сжались. Затем он непонимающе развел руками и надул щеки. Оглядел всех присутствующих и с шумом выпустил воздух.

— Это не я! — заволновался Мартемьянов. — Вы сами слышали! Это все он, а я не виноват!

— Но еще я закрыл сегодня семь билетов! — добавил я с отчаянием.

И тут вдруг Сумская захохотала. Вслед за ней заржал Хомяков, робко захихикал Мартемьянов, звонко закудаhtала Инна Васильевна и, наконец, забулькал сам Марк Константинович.

Продолжая булькать, он подошел ко мне, дружески хлопнул по спине и вышел.

И все тоже стали расходиться.

Лишь на прощание Инна Васильевна обернулась и очень игриво погрозила мне пальчиком.

Что они слышали от меня в тот день на планерке — я так никогда и не узнал. Но это уже было и не важно, потому что проблемы только начинались.

* * *

Выяснилось, что теперь я совершенно не понимал того, что мне говорят. И точно так же не понимали и меня.

Наш офисный уборщик Анзур, встретив меня в коридоре, как всегда, приветливо улыбнулся, но вместо приветствия сказал «у тебя некрасивое лицо». От Анзура это было слышать совсем нелепо — кто видел Анзура, поймет.

В столовой за мой столик подсел Яков Васильевич из транспортного и, пока мы ели, объяснял, что мы все богатые и здоровые, а у него и здоровье не то, и деньги не те. К счастью, моих ответов он не требовал — задавал вопросы и сам на них отвечал, а в конце поблагодарил за приятную беседу.

Телефонного собеседника я не понимал точно так же. Мне раздался звонок с неизвестного номера.

— Здравствуйте! Уделите пару минут, чтобы я вас как следует обманул?

Я сбросил звонок, больше он не перезванивал.

Удивила наша курьер Жанна — юная и очень застенчивая толстушка с малиновыми волосами, вся покрытая пирсингом и цветными татуировками. Говорила она не со мной, а с Пашей Костромским, который сидит от меня за перегородкой. Я не видел их, доносились только голоса.

— Я тебя хочу, — буднично говорила Жанна. — Хочу тебя, понимаешь?

— Слушай, катись отсюда? — отвечал Костромской, прежде славившийся в нашем офисе феноменальной вежливостью и аристократическими манерами. — Разберись сама, дуреха, это твоя работа.

— Я тебя хочу, — повторяла Жанна. — У тебя плохо пахнет изо рта, но я все равно хочу только тебя.

Подавив накатывающийся страх, я решил выяснить, насколько теперь понимаю письменную речь. Надел наушники, чтоб не мешали звуки офиса, и углубился в свою старую переписку. Она почти не изменилась. Мне слали вопросы по корпоративному сайту, просили что-то доделать, и отвечал я тоже вроде здраво — и сегодня, и все прошлые дни. Я решил, что с печатным текстом работать могу как прежде, но вдруг заметил в конце своего старого ответа логистам фразу «и хватит заваливать меня херней, бездельники сраные». Такой фразы быть не могло. Впрочем, логист спокойно ответил на это «спасибо, Алексей, вы очень помогли». Похоже, фраза чудилась лишь мне и лишь теперь.

Тут я вдруг обратил внимание на музыку в наушниках. Мелодия была до боли знакомой, а вот текст... «Я себе нравлюсь! — доверительно сообщал певец знакомым голосом, хотя я никак не мог вспомнить имя. — Я и вам тоже должен нравиться! Я точно знаю, что все любят слушать! Слушайте меня и несите мне свои деньги!»

Постепенно я нащупал принцип. Если разговор был строго по делу, то я его слышал без изменений. Но если собеседника переполняли посторонние эмоции или сам разговор был ему не важен — вот тут я слышал совсем другое.

Позвонила Анжелика из бухгалтерии: «Леша, спасай, сломался принтер!» И все оказалось именно так. Только не сломался, а кто-то ногой выдернул шнур. Как там он говорил на ютубе? Цель высказывания?

Совсем иначе выглядело, когда важной цели не было или она была завалена горой лишних слов и обстоятельств. По корпоративной почте упало письмо от Гаврилюка из третьего отдела: «Ты мне нахрен не нужен, но Акимов про тебя спрашивает, хочет посмотреть твою новую стрижку». Я совершенно не понял смысла. Но позже ко мне поднялась Акимова, вручила ломтик торта на пластиковом блюде и спросила, почему я не зашел к Гаврилюку, у него же день рождения и торт, и он меня приглашал. Я честно ответил: письмо получил, но прочесть не смог.

— Зря ты так про него думаешь, — возразила Акимова вполне искренне, хотя и не вполне в ответ на мою фразу, — Гаврилюк вообще никого не любит, он и праздновать не хотел, тортик мы ему купили. А тебя он уважает, мог бы и поздравить.

Ее слова звучали так естественно, что я придвинул к ней клавиатуру:

— Помоги его правильно поздравить от моего имени.

Акимова охотно села за клавиатуру и набрала: «Гаврилюк, ты сорокалетнее говно и нытик, но мы тебя любим!»

— Ты уверена, что это хорошее поздравление с днем рождения? — усомнился я.

— Каждому приятно! — ответила Акимова убежденно, хотя снова не совсем на мой вопрос. И отправила сообщение.

Чуть позже от Гаврилюка пришло «спасибо, Алексей!!!» с тремя восклицательными знаками.

Думаю, разговор с Акимовой вышел почти нормальным потому, что она у нас считалась самой конкретной и прямолинейной сотрудницей. Но оказалось, что это был мой первый и последний нормальный разговор после Балаклавки. Вскоре пришел Марк Константинович и привел смутно знакомого белоглазого дядьку в костюме. Он выглядел так раздраженно, словно опаздывал по делам, но вышел не на той остановке.

— Я очень крут, — затянул Марк Константинович свою песню, обращаясь, впрочем, не ко мне, а к белоглазому. — У меня офигенный отдел!

Белоглазый вынул свой телефон, перевернул торцом и сунул мне.

— Слышь, ты, головастик, — сказал он. — Пошевелись уже?

Я вопросительно посмотрел на Марка Константиновича.

— Я очень крут, — на всякий случай шепнул тот белоглазому и ободряюще похлопал меня по плечу.

— Придурок, что ли? — не выдержал белоглазый и поковырял ногтем разъем телефона.

Ноготь у него был такой же неприятный, как и он сам, — ухоженный, но тупой и блеклый.

— Вам зарядный шнурок нужен? — догадался я.

И хоть я старался произнести это самым доверительным тоном, фраза произвела шокирующее впечатление. Белоглазый позеленел, вырвал телефон из моих рук и зашагал к выходу. Марк Константинович сперва метнулся за ним, потом повернулся ко мне и погрозил кулаком, и снова убежал за белоглазым. И тут я вспомнил, где я его видел, — на прошлом корпоративе белоглазый сидел за столиком акционеров, а потом очень плохо пел караоке, но все ему истошно хлопали.

Я поехал домой. Уже в метро мне брякнулось сообщение от Марка Константиновича — длинное, абсурдное, бессвязное,

ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ КАГАНОВ
МОЯ КОСМОНАВТИКА
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.03.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 56,84. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-41134-01-R